

УДК 821.161.1

Концепция монографии «М. А. Шолохов в Германии (1929–2010): диалог культур-цивилизаций»

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Данная статья раскрывает культурологическую концепцию монографии о восприятии и освоении наследия М. Шолохова в Германии («М. А. Ш. в Германии (1929–2010): диалог культур-цивилизаций»). В ней характеризуется концептуальный подход к избранной теме на национально-культурном и цивилизационном уровнях. Раскрыто, как в духовно-нравственных ориентациях произведений Шолохова проявляется ядро этнической культуры русского народа, что представляет непреходящий интерес и для других культур. Данное качество даёт возможность писателю говорить голосом своей национальной культуры, представлять её историю, современный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал.

Ключевые слова

Практическая культурология, диалог культур-цивилизаций, национально-культурный и цивилизационный уровни исследования, ядро этнической культуры, «немецкий Шолохов», культурологическое шолоховедение, типологическая аналогия, эпоха Шолохова.

Введение

Широта и многозначность функционирования творчества русского

писателя-классика М. А. Шолохова в зарубежных культурах, в том числе в немецкой, показала необходимость осуществления принципиально нового

концептуального подхода к теме — разработке культурологического взгляда на восприятие и освоение его в инонациональной и инокультурной среде. Динамично войдя в духовную жизнь многих народов мира уже с 1930-х годов (в Германии — с 1929), Шолохов-художник предстаёт объектом исследования как *феномен практической культурологии*, крупная знаковая репрезентативная фигура в межнациональном и цивилизационном диалоге культур. В духовно-нравственных ориентациях его произведений проявляется *ядро* этнической культуры русского народа, что представляет непреходящий интерес и для других культур: оно включает в себя систему регулятивов и интегративную характеристику его характера и ментальности. Данное объективно сформированное качество даёт возможность большому Мастеру говорить голосом своей национальной культуры, представлять её историю, современный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал.

В последние десятилетия в России и за рубежом опубликованы новые исследования о творческой личности Шолохова, призванные эксплицитировать его систему ценностей — убедительное свидетельство повышения научного и общественного внимания к

нему. В разных по жанру работах российских и зарубежных филологов, философов, историков и теоретиков культуры В. В. Васильева, Ю. А. Дворяшина, Ф. Ф. Кузнецова, В. А. Осипова, В. В. Петелина, С. Н. Семанова, С. Г. Семёновой, Г. Я. Сиволова (Россия), В. Бейца (Германия), Г. С. Ермолаева (США), Б. Косановича (Сербия) и некоторых других глубоко освещены основные аспекты шолоховского творчества — преимущественно по филологической проблематике, однако в её решении зачастую отсутствовал концептуальный культурологический подход. В пользу актуальности изучения зарубежного восприятия и освоения наследия Шолохова в диалоге с иными культурами требует само время, заставляющее по-новому и углублённо осмыслить его феномен.

До сих пор ни в российском и зарубежном шолоховедении, ни в истории отечественной и мировой культур нет исследований, в которых восприятие его масштабного по проблематике и поэтике творчества, его культурологическое осмысление и художественное воздействие за пределами России раскрывались бы *в русле диалога* национальных культур-цивилизаций новейшего времени. Пути и формы освоения русского гения зарубежным сознанием как культу-

рологическая задача всё ещё остаются вне поля зрения учёных-специалистов.

Разнообразие прихода, характер восприятия, освоения и бытования творчества Шолохова в Германии на разных этапах её истории в XX–XXI веках позволяют выявить непреходящие всечеловеческие духовные ценности, активно используемые в мировом культурном процессе (в частности, «шолоховская школа») и оказывающие на него плодотворное воздействие. Вместе с тем возникает потребность взглянуть на феномен Шолохова в русле ключевой для русского самосознания социокультурной парадигмы Восток-Запад-Россия, заложенными отечественными мыслителями от П. Я. Чаадаева до М. М. Бахтина.

Шолохов-художник убедительно реализует в романах, рассказах и публицистике своё прозорливое понимание жизненных проблем, пластов российской действительности и характеров, которые обнаружили не только их национальную социально-историческую специфику, но и определённые общие аспекты цивилизационной природы человеческой, ценных для постижения закономерностей социального и культурного развития. Тем самым он открыл себе дорогу к самой широкой иностранной аудитории, утверждая всеобщность феномена диалога культур и цивили-

заций как основы взаимопонимания народов. Вместе с тем певец тихого Дона и России с огромной силой таланта отразил важнейшие вопросы национального развития, тесно связанные со многими нравственно-этическими, философско-эстетическими и социально-политическими проблемами времени.

При исследовании заявленной темы монографии реализуются два уровня: *национально-культурный и цивилизационный*, что даёт возможность сопоставить художественные культуры, объяснить их различия принадлежностью к разным культурно-историческим типам (цивилизациям) и взаимодополняющие друг друга черты.

Цивилизационные особенности России и Германии, детерминирующие разное отношение человека к миру, не только фиксируются в литературе и искусстве, но и осознаются в критической рефлексии обоих народов. Взаимопонимание — главное условие диалога-общения — помогает прийти к согласию, а затем к синтезу противоположных оценок и позиций, поэтому диалог между культурами всегда предстаёт *самой эффективной формой их связи*. В диалоге-общении, по мысли известного философа и литературоведа М. М. Бахтина, наблюдается, что «всякое

иное слово установлено на ответное понимание», так как «понимание созревает лишь в ответе». И диалог народов — это в первую очередь «диалог времени, эпох и дней, умирающего, живущего, рождающегося; сосуществование и становление слиты здесь в неразрывное конкретное единство противоположного и разноречивого многообразия»¹.

Неизбежность и необходимость *диалога культур*, развивает бахтинскую концепцию известный филолог Л. М. Баткин, логически объясняется тем, что он «движется в двух встречных направлениях», где неповторяемость партнёров выражает «инвариантность» истины, их синтез и предполагает какой-то новый угол зрения, «звучит как ещё один голос»². Следовательно, диалог-общение можно определить как обретение общего в результате встречи противоположностей, так как данный диалог — «поле их сопоставления» (М. М. Бахтин) и взаимопонимания.

Художественный опыт Шолохова способствует выработке в современной отечественной культуре «внутренней» методологии сопряжения с восточными, западными (в том числе немецкой),

1 Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 94–96.

2 Баткин Л. М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. — М., 1994. — С. 168.

латиноамериканскими и славянскими культурами, не утрачивая при этом своеобразие и сообщая новое качество исконно русской традиции социокультурного общения. Возникает настоятельная потребность культурологического по своей сути переосмысления наследия художника благодаря исследованию «зарубежного Шолохова».

«Зарубежный Шолохов» — явление мировой культуры: «обходя моря и земли» во времени и пространстве, персонажи его творений дают возможность изучить феноменальную судьбу художественного творчества, осмыслить его непреходящую ценность и тот неоспоримый факт, что он вошёл в сознание и культуру многих наций, становясь событием в их духовной жизни и обретая своеобразные «права гражданства»... Высокая художественность, проникновенный гуманизм и истинная народность в сочетании с простотой, правдой и искренностью есть впечатляющая черта его дарования, показатель эффективной творческой действенности и неиссякаемости русских традиций в зарубежной интерпретации. Данный фактор — культурологическое освоение реальности, принципиальное введение её в *историческую типологию культуры*.

В классических культурах — цивилизациях Запада (в том числе Герма-

нии) в восприятии Шолохова-художника доминирует *социопсихологическая установка*, проявляемая в разной степени сложности и неоднозначности. Своя специфика социального опыта, свои традиции в видении русской литературы и — шире — культуры сказываются на своеобразии интерпретаций его произведений.

Во введении, «**М. А. Шолохов — феномен российско-германского культурного диалога XX–XXI веков**», фиксируется его наполнение неоднозначно сложным содержанием, где вместе с тем прослеживаются богатейшие духовные взаимосвязи. «В немецкой истории, — утверждал социолог Э. Диль, — отношения с Россией в течение столетий играли исключительную роль»³. Освоение немецкой культурой художественного наследия Шолохова есть традиционный отклик прежде всего *на Россию, её народ и культуру*. Многозначность его функционирования в немецкой культуре показала необходимость осуществления концептуального подхода к теме — выработке культурологического взгляда на восприятие и освоение русского классика в инонациональной и инокультурной среде.

3 Diehl E. Über die Beziehungen zu Russland und zur Sowjetunion in der deutschen Geschichte // Einheit – 1985. – № 4/5. – S. 426.

Шолохов-художник в немецкой культуре — культуре Запада, подарившей миру много выдающихся достижений и оказывающей огромное влияние на его интеллектуальное и художественное развитие, — яркий пример *межнационального и межцивилизационного диалога*, когда встречаются и взаимодействуют различные культурные коды, архетипы и концепты. Важно исследовать *пути и формы* освоения великого сына России как всечеловеческой ценности. В этом ключе слово о Шолохове, сказанное на Западе и к Западу обращённое, особенно значимо. Национальный жизненный и творческий материал приобретал всё более «немецкое» звучание. «Михаил Шолохов — один из самых известных авторов XX века, — констатирует сегодня крупный немецкий филолог-славист и шолоховед Вилли Бейтц в содержательном исследовании «Михаил Шолохов — в дуэли со временем. Очерки о жизни и творчестве» (Франкфурт-на-Майне, 2009). — Этого он добился своей позицией в сражениях с «горячей» и «холодной» войнами, с завистью, враждой и большим непониманием, которые вились вокруг него и его произведений вплоть до нынешнего дня — десятилетиями после его смерти, не успокаиваясь при совершенно других всемирно-поли-

тических и общественных отношениях»⁴.

Изучение восьмидесятилетней истории восприятия и освоения классика русской и мировой литературы в Германии приводит к логическому выводу: «немецкий Шолохов» — полноправный участник социокультурной жизни страны, а его писательская судьба — одна из лучших страниц российско-германских культурных взаимосвязей XX–XXI столетий.

В первой главе монографии **«По стопам Льва Толстого, или М. Шолохов в Веймарской республике (1929–1933)»** акцентируется внимание на том, что «Тихий Дон» — «визитная карточка» автора перед его приездом в Берлин (1930) — читался и воспринимался немецкой аудиторией в продуктивном диалоге с реакционной профашистской литературой, с романами о «потерянном поколении» и с очень сложным современным общественным сознанием. Придясь «ко двору» левым кругам общества, шолоховский роман приобрёл беспрецедентную популярность: его издательские тиражи превосходили тогдашний роман-бестселлер Э. М. Ремарка «На Западном фронте без

перемен» (1929). Данный факт послужил основанием для В. Бейтца назвать один из разделов своей содержательной книги «Шолохов против Ремарка?»⁵.

Планетарная слава Шолохова-художника началась с Германии, когда «Тихий Дон» включился в острый бескомпромиссный диалог с идейно-политическим и философско-эстетическим сознанием общества в кипящей атмосфере практических и теоретических поисков, в бурных дискуссиях литературных и партийных группировок, в круговерти эстетических деклараций и экспериментов конца 1920-х–начала 1930-х годов. Истоки «немецкого Шолохова» неопровержимо доказывают, что русский художник был хорошо известен литературоведам-славистам, публицистам и критикам, революционно-пролетарским писателям и широкой читательской аудитории. Вокруг «Тихого Дона» завязался принципиальный диалог-борьба, связанный с осмыслением проблематики и поэтики двух первых книг, авторство которых не подвергалось сомнению. Приоритет в глубокой рецепции романа-эпопеи принадлежал социалистическому и демократическому направлениям, дававшим ему объективный анализ. Уроки «Тихого Дона», появившегося в «годы учения»

⁵ Ibid. – S. 60.

⁴ Beitz W. Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk. – Frankfurt am Main, 2009. – S.11.

молодой немецкой пролетарской литературы, отвечали обострѣнному чувству правды, жажде полного знания действительности, открывая перспективы развития немецкой прозы.

Исходя из насущных социокультурных запросов тревожных лет Веймарской республики, реализованных в крылатом лозунге известного немецкого драматурга Ф. Вольфа «Искусство — оружие!», левая критика и публицистика видели актуальность «Тихого Дона» прежде всего в картинах войны и революции. Высоко оценивая художественное мастерство автора, они выражали свою признательность и симпатию в национально-культурных определениях «революционный писатель», «соратник по красному фронту», «свой» для миллионов немецких пролетариев⁶. Признание Шолохова в Германии произошло раньше, было глубже и потому уже тогда продуктивнее, чем в других культурах мира.

Названный подход к романистике Шолохова на первом этапе его прихода и освоения в Германии повлиял и на второй, чему посвящена вторая глава **«Рукописи не горят — великие идеи бессмертны! (1933–1945)»**.

«Тихий Дон», а затем и «Поднятая целина» продолжили в

6 Die Rote Fahne. – 1930. – Dezember, 16.

плодотворных диалогах свою беспрецедентную идейно-политическую и художественно-эстетическую миссию в новых, весьма трагических условиях фашистской Германии. Не игра случая, а глубокая закономерность сказалась и в том, что зарубежная судьба второго романа Шолохова «Поднятая целина» (1932, 1 кн.) также началась с перевода на немецкий язык. Социальная новь русского села, по мнению прогрессивных сил, должна была показать немецкому народу перспективу будущего через развитие «поднятой целины» человеческих душ, их пробуждение к новой жизни. С немецких страниц, исключительно богатых и впечатляющих, началась неповторимая летопись зарубежного признания знаменитого романиста. Сама сложная жизнь памятных 1930-х лихо закрутила его немецкую историю, сделав её в лучших традициях мирового бестселлера. Солидарность антифашистов Европы, участников движения Сопротивления, проявленная при издании «Поднятой целины» в двух немецких переводах Э. Шиманна, Б. Кроткова и Г. Штѣсслера (независимо друг от друга) весной и летом 1933 г., содействовала читательскому успеху романа. «Шолохов-художник вырос, пройдя большой путь от «Тихого Дона» к «Поднятой целине», — говорилось в аннотации к роману в переводе

Э. Шиманна. — Мы приветствуем книгу не только как крупное явление современной русской литературы, но и произведение, нужное обществу»⁷.

Сражающееся шолоховское слово, зафиксированное в письмах немецких антифашистов, опубликованных в газете «Neues Deutschland» (август–сентябрь 1965) и в известной книге К. И. Приймы (М., 1975), всё основательнее и органичнее вращалось в немецкое сознание, становилось духовным явлением. Углублённое освоение его идейно-художественной специфики немецкими пролетарскими писателями и значительной читательской аудиторией представляло культурной потребностью и мощным фактором в овладении реалистическим методом при разработке актуальных задач небывало сложной немецкой современности. Творческий опыт Шолохова ускорял поиски собственных идейно-художественных решений немецких писателей. Освоение прозы русского классика сопровождалось её творческим осмыслением в русле традиций классики. Диалогический приход Шолохова-художника в немецкую культуру на новом историческом этапе, органическое «врастание» и пло-

дотворное «присутствие» его уроков убедительно говорит о непреходящем мировом значении русской литературы XX века.

С крушением фашизма в Германии открылась новая глава в истории «немецкого Шолохова», многообразное и трудно обозримое (по обилию материала) содержание которой определялось в многоаспектном диалоге возрождением под «расколотым небом» (К. Вольф) разнородных социальных и духовных сил нации — в ФРГ и ГДР.

Названный материал, в основном впервые вводимый в культурологический и литературоведческий оборот, отражён в третьей «**Время трудных решений: М. Шолохов в послевоенной Германии (1945–1949)**» и четвёртой главах **Под «расколотым небом» Германии: §1. «Донской казак во фраке Гёте», или М. Шолохов в ФРГ (1949–1990); §2. Обновление традиций: литературная критика ГДР о М. Шолохове (1949–1990); §3. «Учитель в литературе и жизни»: М. Шолохов в художественных исканиях писателей ГДР».**

После освобождения немецкого народа от фашизма перед прогрессивными силами нации встали необычайно сложные проблемы перестройки сознания масс при построении первого в истории Германии народного го-

7 Scholochow M. Neuland unterm Pflug. Übers. v. E. Schiemann. – Zürich, Ring-Verlag, Oslo, 1933. – Annotation.

сударства. Пролетарские писатели, деятели Культурбунда и Общества германо-советской дружбы, все немцы, строившие новую Германию, внимательно изучали исторический и художественный опыт СССР, пристально всматриваясь в развитие литературы и искусства нашей страны, так как признавали их весомую роль в духовном обновлении своего народа. О важнейших задачах культурной революции в ГДР и благородной миссии русской книги писала с глубоким пониманием проблемы публицист М. Ланге. «Какие горы мусора нужно было теперь снести, чтобы принести *духовное очищение* (курсив мой. — Н. С.) немецким рабочим, интеллигенции, многочисленным мелкобуржуазным слоям населения и не в последнюю очередь — немецкой деревне! Перед нами была молодёжь, выращенная в духе лживых, бесчеловечных идей, в духе ненависти к социализму. Её мир рухнул, и эти молодые люди могли превратиться в циников, в деклассированных субъектов, — если бы мы не дали им новых, лучших идеалов. Наши издательства стали выпускать советские книги, которые включались в борьбу за новое сознание немецкого народа. Без произведений советских писателей, которые они подарили не только своему народу, но и всему миру, наша жизнь

была бы беднее, мы были бы лишены многих радостей, а иные из нас, быть может, и не нашли бы своего пути»⁸.

Сложнейший диалог с неоднозначным немецким сознанием активно продолжили новые издания «Тихого Дона» (1946 — три книги, 1949 — две книги в пер. О. Гальперн, Мюнхен; 1947 — четыре книги в пер. О. Гальперн, Э. Шиманна, Р. Чора, Берлин) и «Поднятой целины» (1946, 1947 — 1 книга в пер. Э. Шиманна, Берлин), изданные в восточной и западной частях Германии.

В послевоенной Германии впервые слово о Шолохове прозвучало со страниц прессы в памятный май 1945. Редакция «Tägliche Rundschau» (Берлин) опубликовала небольшую юбилейную статью, где приводились основные сведения о его жизненном и творческом пути, ранее не известные широкой немецкой аудитории. В ней особо подчёркивалась тесная связь Шолохова-художника с народом, оплодотворяющее влияние которого чувствуется в «знаменитых романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина»⁹.

В целом, о интересе восточных и западных немцев к русским классикам и советской литературе свидетельствовало внушительное количество из-

8 Einheit (Berlin). — 1957. — Н. 10. — S. 1849.

9 Tägliche Rundschau. — 1945. — Mai, 24. — S. 4.

даний: в Восточной Германии — 314, в Западной — 161¹⁰. Публицист Г. Майер констатировал: «Как значителен был интерес к произведениям русских советских писателей во всей Германии, а также на Западе её, знает каждый, кто первые послевоенные годы пережил в сознательном возрасте. Книги Шолохова, Фадеева, Федина, Эренбурга, не говоря уже, конечно, о Горьком, охотно читались и оживлённо обсуждались. По этой причине сразу после войны начались репрессии западных оккупационных властей против контактов с советской литературой. Среди нас нет ни одного, кто бы не почувствовал на себе в целом и во многих частностях влияние советских книг, пьес, симфоний»¹¹.

За сорокалетие (1949–1990) литературные контакты ФРГ и СССР развивались неровно и, не по вине советской стороны, замедленно. Следует отметить существование двух противоречивых тенденций в развитии западногермано-советских культурных, в том числе литературных связей: с одной стороны, в обстановке «холодной войны» стремление государства и

его идеологов «отстранить» советское искусство от немцев или, по меньшей мере, дискредитировать его; с другой — активный диалог гуманистических, миролюбивых сил, стремившихся к плодотворным контактам, свободному обмену духовными ценностями.

Распространение и восприятие отечественной литературы в ФРГ, произведений Шолохова в том числе, связывалось с обострённым и многообразным, хотя не всегда доброжелательным диалогом с великой страной, сломившей фашизм, и интересом к духовному облику человека из другого мира. Они постоянно ширились и углублялись в различных слоях немецкого общества по мере того, как всё значительнее становился СССР в экономической, научной и социокультурной сферах. Несмотря на различного рода препоны в публикации русской книги, позитивные перемены как *результат длительного и сложного диалога* культур-цивилизаций не замедлили сказаться и позволили ФРГ выйти на первое место по количеству изданий на Западе.

Писательская судьба Шолохова в ФРГ была и остаётся весьма сложной: вокруг его имени и творчества никогда не утихал острый идейно-политический и литературно-эстетический диалог. Несмотря на всевозможные препоны,

10 Kunst und Literatur. – Bd. XIII. – 1965. – Н. 5. – S. 121.

11 Mayer H. Deutsche Literatur und Weltliteratur. – Berlin, 1957. – S. 221.

книги русского гения продолжали находить дорогу к уму и сердцу массового немецкого читателя. Интерес широких кругов к произведениям Шолохова всё разрастался, несмотря на то, что в ФРГ находились силы, которые всеми средствами препятствовали этому. Так, известный литературовед-русист А. Хирше аргументировано утверждал: «Романы и рассказы Шолохова утаивались от читателей Западной Германии почти 14 лет после крушения фашизма. За это время «исследователи Востока», реакционная пресса, а также непосредственно власти предпринимали всё, чтобы — за незначительным исключением — не допустить советскую литературу к читателям. Это была борьба, которая велась оружием замалчивания, клеветы и прямых запретов»¹². Но, тем не менее, творчество Шолохова знакомо западногерманской аудитории и вместе со всей российской литературой стало актуальным фактом социокультурной жизни. «Главное произведение Шолохова — самый знаменитый его роман «Тихий Дон», как считает «Литературная энциклопедия» (Мюнхен, 1986), находится в теснейших связях с реалистической традицией русской клас-

сики и сравним по своему значению для реализма XX века с творчеством Д. Голсуорси, Т. и Г. Маннов, Р. Мартена дю Гара. Появление первых томов эпоса означало новый этап в советской прозе. Впервые он проявляет свою эпическую мощь совершенства в изображении мировой войны, революции, гражданской войны и интервенции. Подобно «Войне и миру» Л. Толстого, роман соединяет фиктивную семейную хронику с подлинно историческим изображением событий»¹³.

Pro et contra о Шолохове в ФРГ написано немало статей, рецензий и эссе. Его произведения издаются всё чаще, особенно после присуждения русскому классику Нобелевской премии (1965). Наследие его побеждает всякую предубеждённость и предвзятость буржуазного издателя, читателя и критика своим пронзительным гуманизмом, реалистическим мастерством, масштабностью и глубиной отражения всечеловеческих проблем. Однако во всей своей органической полноте оно воспринималось по другую сторону на время «расколотого неба» — в Германской Демократической Республике.

Интенсивное и целенаправленное диалогическое изучение на-

12 Hiersche H. Zur Scholochow-Rezeption in Westdeutschland // Michail Scholochow. Werk und Wirkung. – Leipzig, 1966. – S. 255.

13 Kindlers Literaturlexikon in 12 Bdn. – Bd. 11. – München, 1986. – S.9363–9364.

следия Шолохова в ГДР проходило во многом успешно. В работах литературоведов-славистов и русистов, публицистов и критиков освещались его различные аспекты в сочетании с «горизонтальным» измерением (национально-культурный уровень восприятия) и «вертикальной» структурой диалога (цивилизационный уровень восприятия) — его художественное новаторство, обогатившее арсенал изобразительных средств русского реализма, философско-культурологическую проблематику шолоховского творчества, внёсшего весомый вклад в мировую духовную культуру, мастерство психологического анализа, гуманистический пафос романов, повестей, рассказов и публицистических статей.

На каждом этапе развития немецкого демократического государства и его культуры углублялось освоение проблематики произведений русского классика: национальный жизненный материал приобретал всё более «немецкое» звучание. Так, филолог-славист Х. Хертинг обращала внимание соотечественников на актуальность центрального персонажа «Тихого Дона»: «Образ Григория Мелехова *учит нас* (курсив мой. — Н. С.), что чрезвычайно важно для развития человека, на что он должен решаться в социальных стол-

кновениях нашего времени. Помочь читателям найти правильное решение было потребностью развивающейся литературы после крушения фашизма в нашей части Германии»¹⁴.

«Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», фрагменты из романа «Они сражались за Родину» относились к тем произведениям, которые читались всеми поколениями немцев на различных исторических этапах и заново открывались ими. А богатство шолоховских творений последовательно осознавалось немецкой славистикой и деятелями культуры. Преодоление упрощенческого социологизирования, оригинальность трактовки в раскрытии идейно-эстетического и культурологического содержания наследия русского писателя обоснованно позволяют сделать вывод о значительном росте шолоховедения ГДР. В частности, другой известный филолог-славист Х. Конрад, отходя от пресловутой «концепции отщепенства», определила Григория Мелехова как пример писательской доктрины. Он — «как Фауст, Гамлет, Анна Каренина — один из тех великих образов мировой литературы, за которые борются»¹⁵.

14 Herting H. Das Menschenbild in der Gegenwartsliteratur. — Berlin, 1966. — S. 9.

15 Conrad H. Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um M. Scholochow Geschichts – und Menschenkonzeption //

Многообразие проблематики, идейно-философская глубина «Тихого Дона», противоречивая сложность социокультурной эпохи, масштабность образа Гр. Мелехова и «поднятой целины» человеческого сознания, позиция автора, находящаяся не на поверхности, по мнению Х. Конрад, объясняют споры вокруг шолоховского творчества. Настойчивая и целенаправленная борьба за Шолохова успешно велась литературной наукой на протяжении всех сорока лет существования ГДР.

Сопоставляя освоение творчества романиста в германских государствах, следует отметить, что в истории «немецкого Шолохова» его плодотворное воздействие на художественные искания писателей занимает особое место в литературе ГДР (1949–1990). Оно «... послужило одним из первых сильных импульсов для создания новой демократической немецкой культуры, — говорилось в приветственном юбилейном адресе русскому художнику. — Для многих ведущих немецких писателей, таких, как Анна Зегерс, Лион Фейхтвангер, Вилли Бредель, Эрвин Штриттматтер, Бернгард Зеегер и Эрик Нейч, Шолохов стал учителем не только в литературе, но и в жиз-

ни»¹⁶. Несомненно, ориентация немецких литераторов на Шолохова проявляется как осознанное стремление опереться на завоевание мирового искусства. Его наследие понимается как феноменальный «путеводитель» к правде жизни, пример эстетического освоения действительности. Если для некоторых зарубежных прозаиков он явился образцом, к примеру, «чистого» психологического мастерства, то для немецких романистов решающий смысл имела глубокая связь шолоховского дара раскрытия внутреннего мира индивида с социальным сознанием его персонажей. Поэтому в ГДР больше, чем в какой-либо другой стране художественный опыт русского классика воспринимался в своей органической целостности.

Ряд произведений немецких писателей типологически родственен шолоховскому роману, поскольку в них выдвигались аналогичные проблемы социального переустройства жизни и формирования нового личностного сознания. Вместе с тем «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в плодотворном диалоге с немецким идейно-эстетическим сознанием оказали явное влияние на самостоятельные творческие искания

Zeitschrift für Slawistik. – 1970. — Н. 3. – S. 354.

16 M. Scholochow. Werk und Wirking. Materialien des Internationalen Symposinms «Scholochow und wir». – Leipzig, 1966. – S. XIII.

и решения литераторов. В таком случае типологическое сходство зачастую сочеталось с творческим освоением ими, с одной стороны, художественных традиций национальной немецкой классики, а с другой — непосредственным воздействием мастерства и опыта Шолохова на родственные по жанру произведения. Так, его творения, признанные образцом художественности, представляли собой *типологическую аналогию* ко многим немецким романам, в которых отражены «поднятая целина» человеческих душ с пробуждённым социальным сознанием, поиски своего места в новой жизни человека, оказавшегося в водовороте событий современной ему эпохи и на определённое время попавшего в чужой стан («Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля, «Мы — не пыль на ветру» М.-В. Шульца, «Оле Бинкоп» Э. Штриттматтера, «Осенний дым» Б. Зеегера и др.).

Благотворное влияние метода и поэтики русского романиста-классика следует рассматривать многосторонне и в связи с творческой индивидуальностью каждого немецкого писателя, прошедшего через его «магнитное поле» — от воздействия философско-эстетических воззрений и концепции личности до усвоения отдельных элементов художественной системы. В частности, «Тихий

Дон» давал немецким прозаикам мощный импульс в разработке национальной темы — «литературы прибытия» (Ankunftsliteratur). Не случайно в их романах наблюдаются сходные коллизии, ситуации и образы. Не без творческого осмысления «тяжкого пути познания» Григория Мелехова разрабатывалась в «литературе прибытия» тема доверия. Не случайно один из романов А. Зегерс так и называется — «Доверие» («Das Vertrauen», 1968, рус. пер. 1971). Определённую немецкую аналогию по отношению к «Поднятой целине» как эпопею о коллективизации представляли некоторые романы Э. Штриттматтера, Б. Зеегера и других, посвящённые становлению новой жизни и формированию нового человека на селе.

Рассматривая восприятие и бытования наследия Шолохова в ГДР, следует говорить уже о трёх формах освоения — о многочисленных переводах, глубоком критическом осмыслении и плодотворном творческом воздействии на художественные искания писателей.

В пятой главе монографии «**М. Шолохов в объединённой Германии (1990–2010)**» исследуется восприятие наследия Шолохова после воссоединения германских государств ФРГ и ГДР. Сохранилась, к сожалению, культурная оппозиция объективному аналитическо-

му подходу к творческой личности Шолохова. Интерпретация остаётся весьма сложной и неоднозначной, несмотря на прекращение «холодной войны» и продолжающихся развиваться позитивно межгосударственных и культурных связей между Германией и Россией. «За последние годы, — оптимистично подчеркнул немецкий президент Й. Рау, — германо-российские взаимоотношения получили столь всеобъемлющее и многообразное развитие, какого не бывало за всю нашу общую историю»¹⁷.

В то же время отрадно встретить среди немецких славистов тех, кто искренне стремится выявить вклад Шолохова в развитие русской и мировой литературы, дать объективную оценку его творчества, учитывая его подлинные идейно-эстетические воззрения. Среди современных немецких славистов видное место занимает Вилли Бейтц (1930 г. р.), широко известный своими работами о русском классике, организацией и выступлениями на известных Шолоховских симпозиумах (1965, 1975, 1985). В развёрнутой статье «Михаил Шолохов — незнакомая земля?» В. Бейтц даёт общую картину интерпретации русского писателя научной и читательской аудиторией Германии, отмечая, что прежде

Шолохов был одним из популярнейших во всём мире писателем, но со временем вдруг стал «спорным». И до сегодняшнего дня, полемично констатирует он, «в западногерманском пространстве, вплоть до левого спектра включительно, содержатся спекуляции и невероятные ошибочные приговоры; пришло время взвешенной оценки этого русского писателя, который является самым значительным романистом XX столетия с Нобелевской премией за 1965 год»¹⁸. В своей книге «Михаил Шолохов — в дуэли со временем. Очерки о жизни и творчестве» (Франкфурт-на-Майне, 2009) В. Бейтц рассматривает широкую амплитуду присутствия Шолохова в духовной жизни России и Германии, анализируя его произведения в тесной связи с общественной и культурной жизнью и видя в его творчестве горячее желание содействовать благу народа. Будучи хорошо знаком с исследованиями российских учёных, в том числе последнего времени, он не только обоснованно, но и с большой искренней симпатией говорит о русском гении. В. Бейтц подчёркивает покоряющий гуманизм, истинную народность его творчества, которые роднят Шолохова с Гоголем, Достоевским,

17 Kulturen im Dialog. Deutsch-russische Kulturbegegnungen. – Moskau, 2005. – S. 7.

18 Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. – Н. 188. – 2006. – Juni. – S. 542–552.

Л. Толстым, Чеховым. Им внимательно анализируются художественные особенности «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека», «Донских рассказов», «Они сражались за Родину» — стиль, композиция, поэтика, образная система. В своей работе многоопытный славист задаётся вопросом о том, как сегодня, после радикальных общественных перемен в Германии и Европе, воспринимается «Судьба человека». По его мнению, рассказ является ключом к некоторым предшествующим произведениям писателя о войне, в частности, к очерку «Наука ненависти». «Рассказ велик в своей простоте и богатом содержательными связями каждым эпизоде как моменте реальной жизни. Он занимает особое место в творчестве Шолохова. Написанный на поворотном пункте общественной жизни, он соотносится в то же время с прежней фазой его творческого пути и сопоставляется с повестью «Старик и море» Э. Хемингуэя и рассказом «Переправа» А. Зегерс. Это произведения, в которых нашли своё отражение достигаемые горизонты и собранная мудрость жизни в невероятно мотивированной плотности текста повествования»¹⁹.

19 Beitz W. Vorwort // Scholochow M. Ein Menschenschicksal. – Frankfurt am Main, 2009. – S. 7.

Отрадно сознавать, что не «исследователи Востока» — тайные или явные недоброжелатели России и ненавистники русского гения — определяют сегодня судьбу наследия Шолохова на немецкой земле: есть гораздо больше его почитателей во всех слоях общества, в том числе и в научных кругах, определяющих высокий уровень современного шолоховедения Германии.

В **заключении** подводятся итоги плодотворного освоения Шолохова-художника в Германии (1929–2010). Как впечатляющее и убедительное выражение большой симпатии и доверия многих миллионов немцев к русскому писателю даётся краткий анализ истории шолоховедения в стране: четырёх международных Шолоховских симпозиумов, двух изданий собрания сочинений писателя и многочисленных отдельных публикаций романов и сборников избранной прозы, изучение произведений Шолохова в средней и высшей школе, последовательное разоблачение дискредитации его творчества, функционирование «шолоховской школы» среди немецких писателей²⁰.

Глобализационные процессы последних десятилетий, несмотря на их

20 Бейтц В. Исследование и восприятие М. Шолохова в Германии // Шолоховский вестник. — 2010. — № 4. — С. 34–49.

многомерные драматические метаморфозы и дуальные тенденции, активно способствуют развитию и использованию этнокультурных отношений, повышению интереса к проблемам современной русской культуры за рубежом. В этой связи весьма весомо звучит утверждение немецкого писателя-публициста Г. Вайзенборна: «История культуры — это в значительной мере история контактов»²¹. И они рассматриваются нами как существенное и обязательное свойство *культурологического шолоховедения* представлять в международных связях и проявлять их онтологическое содержание.

Исследование восьмидесятилетней истории восприятия и освоения классика русской и мировой литературы в Германии приводит к логическому выводу: «немецкий Шолохов» — полноправный участник социокультурной жизни страны, а его писательская судьба — одна из лучших страниц российско-германских культурных связей XX–XXI веков. Его многогранное восприятие и освоение немецкой славистикой, литературной критикой, публицистикой и деятелями культуры, широкой читательской аудиторией, влияние его творчества на художественно-эстетические искания

немецких писателей на разных этапах истории — Веймарская республика, ФРГ, ГДР, объединённая Германия — дают нам веское основание утверждать, что весь этот период следует назвать *эпохой Шолохова*.

Библиография

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — 504 с.
2. Баткин Л. М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. — М., 1994. — 640 с.
3. Бейтц В. Исследование и восприятие М. Шолохова в Германии // Шолоховский вестник. — 2010. — № 4. — С. 34–49.
4. Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. – Н. 188. – 2006. – Juni. – S. 542–552.
5. Beitz W. Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk. – Frankfurt am Main, 2009. – 152 s.
6. Beitz W. Vorwort // Scholochow M. Ein Menschenschicksal. – Frankfurt am Main, 2009. – 112 s.
7. Conrad H. Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um M. Scholochow Geschichte – und Menschenkonzeption // Zeitschrift für Slawistik. – 1970. – Н. 3. – S. 354.

21 Weisenborn G. Memorial. – Berlin, 1973. – S. 146.

8. Die Rote Fahne. – 1930. – Dezember, 16.
9. Diehl E. Über die Beziehungen zu Russland und zur Sowjetunion in der deutschen Geschichte // Einheit – 1985. – № 4/5. – S. 426.
10. Einheit (Berlin). – 1957. – H. 10. – S. 1849.
11. Herting H. Das Menschenbild in der Gegenwartsliteratur. – Berlin, 1966. – 78 s.
12. Hiersche H. Zur Scholochow-Rezeption in Westdeutschland // Michail Scholochow. Werk und Wirkung. – Leipzig, 1966. – S. 255.
13. Kindlers Literaturlexikon in 12 Bdn. – Bd. 11. – München, 1986. – S. 9363–9364.
14. Kulturen im Dialog. Deutsch-russische Kulturbegegnungen. – Moskau, 2005. – 157 s.
15. Kunst und Literatur. – Bd. XIII. – 1965. – H. 5. – S. 121.
16. Mayer H. Deutsche Literatur und Weltliteratur. – Berlin, 1957. – 736 S.
17. M. Scholochow. Werk und Wirking. Materialien des Internationalen Symposinms «Scholochow und wir». – Leipzig, 1966. – 296 S.
18. Scholochow M. Neuland unterm Pflug. Übers. v. E. Schiemann. – Zürich, Ring-Verlag, Oslo, 1933. – 466 S.
19. Tägliche Rundschau. – 1945. – Mai, 24. – S. 4.
20. Weisenborn G. Memorial. – Berlin, 1973. – 245 s.

Conception of monograph "M.A. Sholokhov in Germany (1929-2010): dialog of culture and civilization"

Stopchenko Nikolai Ivanovich

Doctor of Culturology, Professor,

Southern Federal University,

P.O. Box 344006, Bol'shaya Sadovaya, 105/42, Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: nikis.don @ yandex.ru

Abstract

This article reveals the cultural view of the monograph of N.I. Stopchenko about perception and development of Sholokhov's heritage in Germany ("M.A.Sh. in Germany

(1929-2010): the dialogue of cultures and civilizations"). So far, no Russian and foreign researchers of Sholokhov's heritage, nor in the history of national and world cultures there are no studies in which perception and understanding of his work, his artistic and cultural impact beyond Russia's borders would be opened up in line with the national dialogue of cultures and civilizations of modern times. The article is characterized by a conceptual approach to the chosen object for the national, cultural and civilizational levels. The author shows how, both in spiritual and moral orientations of works by Sholokhov's, there can be seen the core of ethnic culture of the Russian people, which is in permanent imperishable interest for other cultures. This quality allows the writer to speak the voice of his national culture, to represent its history, the modern spiritual, moral and intellectual potential. The summary of the history of eighty years of perception and developing of the classic of Russian and world literature in Germany leads to a logical conclusion: "The German Sholokhov" - a full member of social and cultural life of the country, and his literary fate - one of the best pages of the Russian-German cultural relations of the XX-XXI centuries.

Keywords

Practical cultural science, dialogue of cultures-civilizations, national-cultural and civilization research levels, a nuclear of ethnic culture, "German Sholokhov", culturological Sholokhov study, typological analogy, Sholokhov's epoch.

References

1. Bakhtin, M.M. (1975), *Problems of the literature and aesthetics* [*Voprosy literatury i estetiki*], Moscow, 504 p.
2. Batkin, L.M. (1994), *Predilection. The selected essays and articles about culture*, [*Pristrastiya. Izbrannye esse i stat'i o kul'ture*], Moscow, 640 p.
3. Beitz, W. (2010), "The study and perception of M. Sholokhov in Germany" ["*Issledovanie i vospriyatie M. Sholokhova v Germanii*"], *Sholokhovskii vestnik*, No. 4, pp. 34-49.
4. Beitz, W. (2006), "Michail Scholochow – eine terra incognita?", *Utopie kreativ*, H. 188, Juni, S. 542-552.
5. Beitz, W. (2009), *Michail Scholochow – im Duell mit der Zeit. Beiträge zu Leben und Werk*, Frankfurt am Main, 152 s.

6. Beitz, W. (2009), "Vorwort", in *Scholochow M. Ein Menschenschicksal*, Frankfurt am Main, 112 s.
7. Conrad, H. (1970), "Zu den jüngsten Auseinandersetzungen um M. Scholochow Geschichts – und Menschenkonzeption", *Zeitschrift für Slawistik*, H. 3, S. 354.
8. *Die Rote Fahne*, 1930, Dezember, 16.
9. Diehl, E. (1985), Über die Beziehungen zu Russland und zur Sowjetunion in der deutschen Geschichte, *Einheit*, No. 4/5, S. 426.
10. "Einheit", Berlin, 1957, H. 10, S. 1849.
11. Herting, H. (1966), *Das Menschenbild in der Gegenwartsliteratur*, Berlin, 78 s.
12. Hiersche, H. (1966), Zur Scholochow-Rezeption in Westdeutschland, in *Michail Scholochow. Werk und Wirkung*, Leipzig, S. 255.
13. *Kindlers Literaturlexikon in 12 Bdn*, Bd. 11, München, 1986.
14. *Kulturen im Dialog. Deutsch-russische Kulturbegegnungen*, Moskau, 2005, 157 s.
15. *Kunst und Literatur*, Bd. XIII, 1965, H. 5, S. 121.
16. Mayer, H. (1957), *Deutsche Literatur und Weltliteratur*, Berlin, 736 S.
17. *M. Scholochow. Werk und Wirking. Materialien des Internationalen Symposinms "Scholochow und wir"*, Leipzig, 1966, 296 S.
18. Scholochow, M. (1933), *Neuland unterm Pflug. Übers. v. E. Schiemann*, Zürich, Ring-Verlag, Oslo, 466 S.
19. *Tägliche Rundschau*, 1945, Mai, 24, S. 4.
20. Weisenborn, G. (1973), *Memorial*, Berlin, 245 s.